

Стычки между Сижунем и Великой Чжоу случались с завидным постоянством. Государь и придворная знать давно привыкли к тревожным вестям, время от времени долетавшим с рубежей. Однако ни самодержец, восседавший на возвышении, ни вельможи в тронном зале не принимали эти мелкие неурядицы близко к сердцу. Никому и в голову не могло прийти, что однажды Сижун решится на полноценную войну.

Императора охватила смутная тревога. В горле внезапно пересохло, так что он едва мог выдать слово.

Однако сильнее всех весть ошеломила наследного принца. В ушах Цзи Ло настойчиво зазвенело.

В его прошлой жизни беда настигла генерала Бай Вэньхана лишь через несколько лет, а сейчас Сижун вообще не помышлял о войне. Цзи Ло не понимал, где именно шестерни судьбы дали сбой: мало того что враг пошёл в наступление раньше срока, так ещё и Бай Вэньхань снова бесследно исчез.

В этой жизни они с Бай Вэньханем остались лишь приятелями. В прошлый раз Цзи Ло до самой своей кончины так и не сумел отыскать его тело; теперь же, какие бы бури ни бушевали на границе, он не позволит Бай Вэньханю сгинуть без вести.

Прикусив кончик языка, чтобы вернуть ясность мыслям, наследник ожесточился лицом, сделал шаг вперёд и твёрдо произнёс:

— Августейший родитель! Набеги Сижуна разоряют земли Сицзяна, страдают мирные подданные. Если Великая Чжоу стерпит подобное надругательство, мы не только покроем себя позором, но и превратим Сицзян в выжженную пустыню. Я готов лично повести войска в поход, дабы укрепить дух воинов и вернуть покой на наши рубежи!

Едва затих голос принца, как поднялся ропот недовольства. Против высказались многие сановники во главе с министром доходов.

После недавней жестокой выволочки, которую устроил ему Хан Сиэнь, старый чиновник старался вести себя тише воды ниже травы. Однако сегодня, наступив на горло собственной гордости, он всё же решился выступить.

Склонившись в глубоком поклоне, министр заговорил с показным благоговением:

— Ваше Величество, ничтожный слуга разделяет гнев наследного принца и сам преисполнен негодования. Однако вести с границы туманны, а поход наследника престола — дело государственной важности. Снабжение войска и сбор рати требуют времени и трезвого

расчёта. Молю Ваше Величество, взвесьте всё как следует.

Стоило министру замолчать, как гражданские чины наперебой принялись умолять государя проявить благоразумие. Военные же, напротив, рвались в бой; они прекрасно понимали, что присутствие принца на передовой укрепит боевой дух, и втайне поддерживали эту затею. И всё же на поле брани стрелы слепы. Никто не мог поручиться за безопасность престолонаследника, а потому военачальникам, при всей их скрытой радости, тоже пришлось из приличия высказаться против.

Цзи Ло слушал этот слаженный хор голосов, и лицо его стремительно темнело от злости. Он вновь почувствовал себя спелёнутым по рукам и ногам правилами двора. Стоило ему возразить, как на него обрушивался шквал чиновничьих доводов, отразить которые в одиночку было попросту невозможно.

От поднявшегося гвалта у императора разболелась голова. Раздражённо оглядывая залу, он наткнулся взглядом на Хана Сиэня. Тот стоял чуть поодаль с на удивление безучастным видом. На его лице читалась лёгкая скука, и это молчаливое спокойствие на фоне беснующейся толпы чиновников бросалось в глаза.

Император сухо кашлянул. В зале мгновенно воцарилась мёртвая тишина; сотни глаз устремились на трон.

— Хан Сиэнь, ты ведь только вернулся из Сицзяна и хорошо знаком с тамошним положением дел. Что думаешь по этому поводу?

Хан Сиэнь прищурился, взвешивая слова:

— Ваше Величество, когда покорный слуга покидал Сицзян, кочевники не выказывали ни малейшего намерения развязывать войну. Известно лишь, что здоровье правителя Сижуну оставляет желать лучшего, а его третий сын, Хуань Лу, усердно скрывал своё пребывание на границе. Смею предположить, что его местонахождение раскрыли завистливые братья. Это нападение — не что иное, как их внутренняя уособица. Кому-то выгодно столкнуть Сижуну с нашей империей, чтобы чужими руками избавиться от Хуань Лу или преградить ему путь к престолу. Впрочем, это лишь догадки. Истинное положение дел прояснится только на месте.

Услышав это, государь немного успокоился. Он задумчиво постучал пальцами по резному подлокотнику драконьего трона.

— Если твои догадки верны, то весь этот пожар — лишь отголосок грызни внутри правящего дома Сижуну. И всё же мы не имеем права оставаться беспечными.

Заметив благосклонность отца к доводам маркиза, Цзи Ло тут же воспользовался моментом:

— Августейший родитель! Раз так, мне тем более надлежит отправиться в Сицзян. Так мы и армию подбодрим, и проучим этих наглых варваров. Пусть знают: покушение на границы Великой Чжоу не сойдёт им с рук, какими бы причинами они ни прикрывались!

Министр доходов и его единомышленники затрепетали от тревоги. Стало ясно, что принц закусил удила и переубедить его не удастся. Однако долг подданных велел им стоять на своём. В последнее время здоровье государя заметно пошатнулось, и отпускать наследника из столицы в столь шаткое время казалось чистым безумием. Случись с императором беда — и власть в стране погрузится в хаос.

Министр доходов очень не хотел вновь навлекать на себя гнев Хана Сиэня, но долг обязывал. Собрав волю в кулак, он заговорил:

— Ваше Величество, слова Его Высочества и маркиза Вечного Покоя не лишены зерна истины. Однако нельзя исключать, что мы имеем дело с коварной ловушкой. Наследный принц — опора империи. Если он попадёт в плен, враги станут диктовать нам условия, и тогда Великая Чжоу окажется у них в заложниках. Не разумнее ли сперва отправить доверенное лицо от Военного министерства, а решение принять позже, когда обстановка прояснится?

Тут министр на секунду запнулся, борясь с искушением, но всё же не удержался и озвучил то, что давно вертелось у него на языке:

— К тому же маркиз Вечного Покоя совсем недавно инспектировал границу Сицзяна в качестве главного императорского инспектора. И то, что он не разглядел волчьих повадок Сижуня, указывает на его собственную халатность, от которой теперь так просто не отмахнуться.

Император мысленно застонал, заметив, куда клонит старик, и его веко предательски дёрнулось. Государь искренне не понимал: все ведь знали, насколько ядовит на язык Хан Сиэнь, так зачем же раз за разом наступать на эти грабли?

Маркиз действительно не заставил себя ждать. Он медленно повернул голову к министру, и в его нечитаемом взгляде скользнуло притворное недоумение:

— Что вы хотите этим сказать, господин министр? Неужели вы держите меня за червя в утробе правителя Сижуня, способного читать его тайные помыслы? Но даже если принять вашу странную логику, с момента моего отъезда из Сицзяна утекло немало воды. Кочевники вольны менять свои планы в любую секунду — и в этом тоже моя вина? Коли так, я настаиваю, чтобы в этот поход непременно отправился сам господин министр. Кому, как не умудрённому годами и наделённому столь редкой проницательностью мужу, под силу читать мысли варваров на расстоянии, предвидеть грядущее и сокрушать их коварные замыслы ещё в зародыше? Постарайтесь на славу, почтенный, отныне судьба Великой Чжоу исключительно в ваших руках.

Хан Сиэнь цедил слова негромко и ровно, но так чётко и стремительно, что несчастный

министр побагровел от ярости. Он лишь дрожащей рукой указывал на юношу, хватая ртом воздух и не в силах вымолвить ничего, кроме бессвязного «ты... ты...».

В конце концов, окончательно потеряв лицо, старик взмолился к императору:

— Ваше Величество! Маркиз Вечного Покоя бесстыдно прибегает к софистике! Ничтожный слуга не искушён в столь грязном красноречии. Если маркиз считает себя безгрешным — что ж, мне больше нечего добавить.

— Ваше Величество, я виноват, — со вздохом отозвался Хан Сиэнь. — Моя глубочайшая провинность в том, что при рождении я не обзавёлся божественным слухом и всевидящим оком, как того ожидает господин министр. Впрочем, полагаю, почтенному старцу ничто не мешает взрастить в себе эти чудесные таланты.

Министр закатил глаза и едва не рухнул без чувств. Терпение государя лопнуло. Он с силой грохнул ладонью по подлокотнику и рявкнул на весь зал:

— В Сицзяне льётся кровь наших подданных, а вы здесь тешите своё красноречие! Или вы полагаете, раз враг ещё не у ворот столицы, то можно спать спокойно?!

Оба спорщика мгновенно склонили головы, поспешив заверить разгневанного владыку в своей преданности.

Одарив их ледяным взглядом, император обратился к молчавшему доселе министру войны:

— Что скажет Военное министерство?

Глава Военного ведомства предвидел этот вопрос. Перепалка между министром доходов и Ханом Сиэнем дала ему время собраться с мыслями. Выступив вперёд, он степенно произнёс:

— Ваше Величество, ничтожный слуга полагает, что доля истины есть в словах каждого: и Его Высочества, и министра доходов, и маркиза Вечного Покоя.

Император мысленно усмехнулся: «Типичный флюгер, никого не хочет обидеть». Цзи Ло и министр доходов одновременно уставились на хитреца, а Хан Сиэнь лениво скользнул по его лицу косым взглядом.

Почувствовав на себе тяжесть этих взглядов, министр войны сглотнул подступившую горечь и поспешно продолжил:

— Коль скоро варвары осмелились нарушить границы Великой Чжоу, да ещё и пребывают в смятении из-за внутренних распрей, упускать такой случай нельзя — их нужно примерно

наказать. Что же касается похода Его Высочества... Наследный принц слишком дорог для империи, чтобы подвергать его жизнь опасности. Наш Первый принц, славящийся своей доблестью, вполне мог бы возглавить карательную рать.

— Августейший родитель, — тут же вмешался Цзи Ло, — старший брат не подходит для этого дела. Он совсем не знает тех мест, в то время как я уже бывал в Сицзяне и...

— Если уж говорить о знании края, — вставил свои пять копеек помощник министра доходов Чжао Куань, улучив удобный момент, — то лучше всех те земли ведомы наследнику Ханю. Он пользуется безграничным доверием Вашего Величества и славится своим беспристрастием. Считаю, маркизу надлежит сопровождать войско. Разумеется, на передовой свистят стрелы, так что всё зависит от того, готов ли господин Хан вновь послужить небу.

— Господин Чжао в корне неправ, — резко оборвал его Цзи Ло, отчеканивая каждое слово. — Во-первых, Хан Сизнь уже давно носит титул маркиза, дарованный ему лично моим отцом. То, что вы запаматовали об этом, граничит с непочтением к воле государя. Во-вторых, среди присутствующих полно славных воинов, а вы предлагаете отправить в пекло гражданского чиновника. Или, по-вашему, наши прославленные генералы уступают в воинском искусстве маркизу Вечного Покоя?

Чжао Куань мысленно готовился к очередной ядовитой отповеди от Хана Сизня, но никак не ожидал, что за того заступится сам наследник престола. Почувствовав на себе свирепые взгляды оскорблённых военачальников, он залепетал:

— Ничтожный слуга вовсе не это имел в виду! Я лишь...

— Вот и славно, — нетерпеливо бросил принц. — Иначе, следуя вашим суждениям, нам пришлось бы отправить на передовую всю императорскую канцелярию.

Чжао Куань украдкой глянул на непроницаемое лицо императора, вжал голову в плечи и благоразумно замолчал.

Государь безучастно взирал на разгоревшийся спор. Гражданские и военные чины сцепились не на шутку. Он сидел неподвижно, изливая ледяное презрение на спорщиков, пока один из министров, заметив его злое молчание, поспешно не закрыл рот. За ним умолк второй, третий...

Когда в зале наконец воцарилась тишина, император устремил взор на наследника:

— Сын мой, уверен ли ты в успехе этого похода?

— Твёрдо уверен, отец, — без колебаний ответил Цзи Ло.

Император поднялся во весь рост.

— Сижун — лишь жалкое племя у границ Сицзяна, но они осмелились поднять на нас руку. Им действительно нужен хороший урок. Раз уж наследник престола горит желанием повести войска, да будет так. Я даю своё согласие.

Пресекая любые попытки возразить, государь властно добавил:

— Возражения не принимаются. Министерству доходов немедленно приступить к заготовке провианта, Военному министерству — оказать всемерное содействие в сборе войск. Мы покажем этим дикарям, что границы Великой Чжоу священны и неприкосновенны.

С этими словами император кивнул евнуху Юань Бао. Тот послушно затянул тонким, пронзительным голосом:

— Аудиенция окончена!

Придворные растерянно переглядывались. Пожалуй, они впервые видели своего повелителя столь непреклонным и скорым на решения.

Прежде подобные вопросы завязли в бесконечных спорах. Придворные фракции долго мерились силами, шли на уступки, и лишь после достижения шаткого согласия государь выносил окончательный вердикт.

Хан Сиэнь не спешил покидать дворец. Немного поразмыслив, он направился к плацу императорской гвардии. Когда он подошёл к ограде, инструктор Бай Шу как раз увлечённо с кем-то состязался.

Заметив гостя, гвардеец на секунду замешкался, но тут же точным ударом повалил соперника на лопатки и поспешил навстречу. В его глазах вспыхнула искренняя радость.

— Хан Сиэнь? Ты пришёл повидаться?

Остальные гвардеецы, затаив дыхание, переводили любопытные взгляды с инструктора на молодого маркиза, и в этих взорах читалось явное двусмысленное оживление. Бай Шу одарил подчинённых ледяным взглядом, вынудив тех торопливо потупиться.

Уединившись в тихом уголке плаца, они остановились. Хан Сиэнь не стал ходить вокруг да около и прямо изложил вести из Сицзяна.

— Твой брат, генерал Бай Вэньхань, числится среди пропавших без вести, — закончил он.

Лицо гвардейца мгновенно осунулось. Он уставился на Хана Сиэня круглыми от ужаса глазами, безмолвно моля об опровержении. Но тот лишь кивнул:

— Всё так.

Плотно сжав губы, парень внезапно сорвался с места и со всех ног помчался прочь. Хан Сиэнь молча провожал его взглядом, прекрасно понимая, что тот бежит к воротам, ведущим прочь из дворца.

Маркиз опустил ресницы и едва заметно усмехнулся. На душе было удивительно спокойно, словно с плеч свалилась невидимая, долго мучившая его тяжесть.

Не спеша покинув плац, он направился к выходу, намереваясь вернуться в собственное поместье, но у поворота галереи неожиданно столкнулся с Цзи Ло.

Принц тоже шёл предупредить гвардейца, но застал лишь его стремительно удаляющуюся спину. Нахмурившись, он обратился к маркизу:

— Положение инструктора императорской гвардии обязывает его к строгой дисциплине. Если он покинет столицу без высочайшего соизволения, отец сочтёт это за бунт. Недоброжелатели тут же воспользуются случаем, чтобы очернить его имя, да и тебе несдобровать — государь в гневе непременно припомнит вашу дружбу. Почему ты его не остановил?

— Зачем мне его останавливать? — с неподдельным хладнокровием отозвался Хан Сиэнь.

Его тон показался Цзи Ло странным, даже пугающим. В нём сквозило скрытое намерение, разгадать которое принцу было не под силу.

Сам же Хан Сиэнь прекрасно отдавал себе отчёт в своих действиях. Ему давно не давал покоя один вопрос: насколько глубока привязанность парня? Способен ли тот в роковую минуту подумать о нём? Дело было вовсе не в глупом соперничестве с пропавшим братом — тут и сравнивать нечего.

Ему просто хотелось узнать, какова цена этой хвалёной любви. Служба обязывала инструктора быть на посту. Узнав о несчастье с братом, решил бы он бежать без оглядки, наплевав на последствия? Даже если бы император обрушил свой гнев на Хана Сиэня, маркиз предпочёл бы горькую правду притворной верности. Грош цена чувствам, которые ведут к краху.

Минутное искушение подтолкнуло его устроить эту проверку. Результат не принёс ни разочарования, ни особой радости — лишь сухой остаток.

Разумеется, делиться подобными мыслями с наследником он не собирался. Маркиз отвесил принцу формальный поклон и зашагал к выходу.

У самых ворот, когда маркиз уже собирался сесть в экипаж, наперерез ему прямо по черепичным крышам пронёсся стремительный силуэт. Парень прыгнул на мостовую под палящим солнцем, крепко схватил юношу за предплечье. По его лицу катился пот.

При его завидной закалке и отменном здоровье заставить его вспотеть могла разве что смертельная тревога. Сейчас он дышал тяжело и прерывисто.

— Я... я схожу к государю, — выдохнул он, утирая лоб. — Попрошу отпустить меня с миром и приму наказание. Дождись меня, вернёмся вместе.

Не дожидаясь ответа, гвардеец развернулся и опрометью бросился назад во дворец.

Маркиз долго смотрел ему вслед. В его глазах отразилось сложное, нечитаемое чувство. Та самая каменная глыба, что только-только соскользнула с его души, вернулась на прежнее место — и на этот раз показалась во сто крат тяжелее.

<http://bllate.org/book/20088/2002107>